

ТАНЯ

ПРОЛОГ

Вспомнил сказку я,
Сказку древнюю
Да про девушку
Про красавицу,
Что приходится
Солнцу дочерью:
Хевельби она
Прозывается.

Вубор—ночи царь,
Повелитель тьмы—
Позавидовал
Солнцу ясному:
Всех задумал он
Покорить себе,
Как хозяину
Полновластному.

И схватилися
Солнце с Вубором,
Содрогнулася
Вся вселенная.
Не стерпела тут
Хевельби душа—
На неравный бой
Вышла гневная.

Не перечило
Солнце дочери:
Пусть поратует,
Коль ей нравится.
Черный Вубор же
Прековарный был,—
Полонить сумел
Он красавицу.

К солнцу ясному
Дочь взмолилася:
„О, единое,
Свет творящее!
Ты мне батюшка,
Ты мне матушка,
Облегчи мои
Муки страшные“.

И услышало
Солнце мудрое:

Нацедило вмиг
Молоко свое,
Испекло на нем
Хлеб для дочери,
Протянуло в тьму
На мольбу ее.

Лишь отведала
Хлеба девушка—
Заиграла в ней
Сила мощная.
„Нет, не страшно мне,—
Говорит она,—
Царство Вубора
Полуночное!“

И давай метать
Стрелы острые
И копьем колоть
Огнеокая.
Изрешетила
Тьму кромешную;
Вубор-чудище
Стонет, охает.

Но немалую
Силу черную
Сохранил еще

Царь извечной тьмы:
Это он на мир
Шлет туман и мглу,
Грозный гнев его
В ночи видим мы.

А молочный хлеб
Чудодейственный
Вдруг появится
В виде месяца.
И не звезды в ночь
Загораются,
То—от верных стрел
Дыры светятся.

И не молния
Блещет на небе—
Хевельби летит
С саблей, пикою.
Не зарница вдруг
Задрожит в дали—
Хевельби дарит
Мир улыбкою.

„И не долго уж,—
Говорит народ,—
С черным Вубором
Солнцу маяться.

Близок, близок день:
Тьму поборет свет,
Хевельби не зря
Улыбается!“

1

С витрин и стен зовет плакат:
„Ребята! Не Москва ль за нами?“
Проходят тьмы и тьмы солдат,
Стуча подковами о камень.

Татарин с русским, армянин
С узбеком, белорус с грузином,
Чуваш с таджиком... Как один,
Идут в стремлении едином.

Великий испытанья час!
Любовь и ненависть святая!
На смертный бой отчизна нас
Благословляет, к нам взывая:

„Сыны мои! Скорей, скорей!
Забудьте страх, отбросьте жалость.
Ко мне подкрался страшный змей,
Протягивает к сердцу жало.

Я вам вручаю грозный меч,
Отточен он в веках не даром:

Дракону голову отсечь
Должны вы яростным ударом“.

Как будто ожил вдруг плакат:
„Ребята! Не Москва ль за нами?“
И, мнится, встал, шагая в ряд,
Сам Лермонтов под наше знамя.

К столетию гибели своей
Поднялся он живей живого.
И никогда поэт теплей
Не чувствовал родного крова.

И как просторен этот дом!
Как широка поэта слава!
Какое мужество кругом,
Как эта поступь величава!

Спустилась ночь. И там, и тут
Прожектор режет тьму зарницей.
Идет поэт и с ним идут
Сибиряки и кабардинцы...

И всем понятен звонкий стих:
„Ребята! Не Москва ль за нами?“
И за сердце берет он их
Простыми, ясными словами.

Черна, как бурка, ночь; черны
Глаза глашатая-поэта...
Как никогда Москве верны
Народы всей страны Советов.

2

Дочь призналась по секрету
Матери в те дни:
„Я на фронт, но знать про это
Будем мы одни...“

„Ты?!“ Мать пристально взглянула,
Ослабела вдруг.
Отвернулась и вздохнула,
А в глазах испуг.

Перед ней дитя родное,
Крошка, как всегда.
Меньше кажутся ей вдвое
И ее года.

А вокруг—холодный, темный,
В грохоте мортир—
Содрогается огромный
Иступленный мир.

Сердцу матери больнее
Слышать вой сирен.
Но больней, страшней вдвойне ей
Чужеземный плен.

Как ни грустно, ни уныло
Над пустым гнездом,
Но птенец почуял силу,
Он взмахнул крылом:

„Не грусти, не надо, мама,
Это не беда.
Посмотри в глаза мне прямо
И скажи лишь: да.

Да, твоя у дочки в жилах
Негодует кровь.
Да, и гнев ты мой взрастила,
И мою любовь.

— Будь бесстрашной, честной, смелой! —
Ты твердила мне.
Час настал: я смелость делом
Докажу стране.

Пусть мою проверит доблесть
Страшная гроза.
Пусть огня и стали отблеск
Озарит глаза.

Под столицей враг упрямый.
О, Москва моя!
Ведь москвичка же я, мама,
Комсомолка я!

Досвиданья! Иль умру я,
Как герой в бою,
Иль героем ты живую
Встретишь дочь свою“.

3

Стол, книги, синяя тетрадь...
Все так же, как в былые дни.
Пусть долго им хозяйку ждать,
Дождутся ведь ее они.

...Линейка, перья, карандаш...
Как будто в школу собралась.
Но разве словом передашь,
Чем каждый жил тогда из нас.

Шло лето. Плыли в синеве
Аэростаты на посты.
Пришла и осень, а в Москве
Еще не мало школ пустых.

Косили сено, жали рожь,
Картошку рыла детвора.
И Зоя, мокрая, сквозь дождь
Вернулась в город лишь вчера.

День целый в хлопотах прошел,—
На фронт хотелось поскорей.
Зашла к подругам, в райкомол,
Казалось все так просто ей.

Но труден бранный путь побед:
То смотрят—слишком молода,
Дают отеческий совет,
То снисходительное „мда!“

— Вас, может, в госпиталь? Вот тут...
Просили санитарок двух...—
„Опять в тепло? Опять в уют?
Да разве нет у нас... старух?“

И Зоя вспомнила, что есть
Знакомый командир... К нему:
„Хочу я к партизанам... в лес...“
Призналась девушка ему.

— А не боитесь вы?—спросил
Военный осторожно.— „Нет“.
— ...Ночь. Вы одни. Фашистский тыл..
„Я понимаю“—был ответ.

Взгляд пристален и чист, и прям.
Давно все взвешено, видать.
Заметил командир, но сам
Ей задает вопрос опять:

— А если схватят немцы вас? —
„Я знаю: будут мучить, бить,
Мне будет больно... Кто сейчас
Без боли мог бы день прожить?

Поверьте: я своих вовек
Не выдам, пусть умру от ран!“
Взглянул, поверил человек.
Родился новый партизан.

4

И вот собралась она в путь-дорогу,
А мать провожала, скрывая тревогу.

Сверкнула, как искра, в ресницах слеза,
И только забота застыла в глазах.

А дочери взоры, она замечает,
Так празднично, так вдохновенно сияют.

Как радостно — быть восемнадцати лет,
Свой вызов судьбе посылать и привет!

Идет комсомолка и в сумрачном свете
Она вспоминает Бетховена, Гете.

Любимая песня у Зои была,
Она ее в книжку свою занесла:

„Гремят барабаны и флейты звучат,
Мой милый ведет за собою отряд...

Ах, если бы латы и шлем мне достать,
Я стала б отчизну свою защищать.

Уж враг отступает пред нашим полком,
Какое блаженство быть храбрым бойцом!“

Мечтала о подвиге Зоя когда-то...
'Так вот каковы этот шлем, эти латы!

Ушанка да куртка, походный мешок,
Подножка трамвая, прощальный звонок.

Все сказано матерью дочери милой,
В глаза посмотрела и благословила.

Напутствовала и Москва свою дочь,
И осени поздней тревожная ночь.

И вслед вся Россия, казалось, махала
Ей флагом кремлевским, немеркнувшим, алым.

Конец октября. Лишь неделя пройдет—
И Красная Площадь парад развернет.

Там будут не флейты, не бой барабанный,—
Железной когортой пройдут великаны:

Броня да моторы, — не латы и шлем,—
Победного духа не сломишь ничем.

И там человека в походной шинели
Увидим, о ком наши песни мы пели.

Вперед провожая колонны солдат,
Заботой, любовью блеснет его взгляд.

В едином порыве пройдут миллионы,
И песня сама облетит все колонны:

„Уж враг отступает пред нашим полком.
Какое блаженство быть храбрым бойцом!“

5

Любила Пушкина она.
Душа ее, как хмелем ива,
Поэзией окружена
И все по-русски в ней красиво.

А с Чеховым она давно
Решила, как судья пристрастный,
Что в человеке все должно
Быть безупречно и прекрасно.

И, мысли завершая круг,
В свою тетрадь, почти ликуя,
Она заносит: „Пусть умру,
Но без любви не поцелую!“

Такою, страх и смерть презрев,
На путь борьбы она вступает.
Великая любовь и гнев
Великий ею управляют.

„Отчизна! Что я без тебя?—
Сказала девушка спокойно,—
Тебя навек не полюбя,—
Любви я в жизни недостойна.

Да, первая любовь—тебе,
А ненависть—врагу-злодею.
Пока он в прах не стерт в борьбе,
О счастье думать я не смею“.

И как-то Зоя своего
Братишку Шурика спросила:
„Ты знаешь, Шурик, для чего
Живем мы все?“ И пояснила:

„Цель жизни каждого из нас—
Для блага нашего народа
Трудиться. Каждый день и час
Народу будет нами отдан“.

Читала Пушкина она.
И ошибусь я тут едва ли,
Сказав, что *Таня* внушена
Была ей Пушкиным вначале.

„Татьяна, русская душою,
Сама не зная почему,
С ее холодною красою
Любила русскую зиму“.

Не зная почему... О, нет!—
Прекрасно знала наша Таня,
За что любила с малых лет
Мороз и бури завыванья.

Да, знала Таня: солнце есть,
Что светит нам и в непогоду,
И солнце это—только здесь
И называется—Свобода.

Вот это солнце погасить
Задумал враг смертельный, лютый,
И черной паутины нить
Он тянет, чтоб лучи опутать.

За это солнце, чтоб и впредь
Оно отчизну нашу грело,
Идет на бой—на жизнь, на смерть—
Красавица дочь солнца смело.

6

„Дорогая мама!
Как ты там теперь?
Не больна ль? Хотела б
Знать я о тебе.

Мама! Хоть два слова
Напиши, прошу.
Выполню задание —
Дома погощу...“

* * *

Короткое письмо.
Тревога и тоска.
А в книжке записной
Шекспирова строка.

Волнуясь, трепеща,
Вписала в тишине
Слова: „Прощай, прощай!
И помни обо мне“¹

¹ Из «Гамлета».

Отряду путь лежит
Чрез линию огня,
Здесь страх не победит,
Здесь души из кремня.

Но искрою в кремне
И нежность есть в душе:
Тот вспомнил о семье,
О первом малыше;

Та вспомнила подруг,
Любимого, друзей,
Учебу, мирный труд,
Экскурсию, музей...

У всех мечта была,
Как молодость, чиста.
И всех она звала
Творцами счастья стать.

Но вот далек их дом,
Не пройден светлый путь. —
Неправда! Мы пройдем,
Пройдем когда-нибудь.

Пусть книгу на столе
Не удалось дочесть.

Товарищ! Не жалея:
Роман прекрасней есть.

Есть в мире жизнь и смерть,
Есть мужество в бою,
И счастье—умереть
За Родину свою...

Пусть не дописан твой
Последний стих, поэт,
Стальным штыком его
Допишешь в дни побед.

И лучшим будет он
Из всех твоих стихов,
И будет жить, за то,
Что к смерти был готов.

* * *

„Прощай, прощай!..“ И с кем
Прощается она?
К кому в такой тоске
Душа обращена?

И что тебя там ждет
Во вражеском аду?

Так спросит даже тот,
В ком богатырский дух.

Но клятвы не забыть,
Она и в смертный час
Любовью будет жить
И ненавистью в нас.

Так! Малодушных прочь!
Нам воля дорога...
С рассветом или в ночь—
Сегодня ж—в тыл врага...

7

Дым махорки вьется в кольца,
Быль и сказка пополам.
Партизанят комсомольцы
По немецким по тылам.

Что за край! Лесной, болотный,
Он встает перед тобой,
Словно Шишкина полотна,
С первозданною красой.

Ели, сосны и березы,
Беспросветный бурелом.

Лес шумит... Какие грезы
Будит в сердце он твоём?

Этот шум не раз ты слушал,
Думал: понял навсегда.
Но иною песней душу
Тронул в эти он года.

Может, есть прекрасней наших
В этом мире уголки,
Но тебе милее пашни
Вдоль родной Москва-реки.

Этот воздух, небо это,
Грозовые облака
Вспоминал везде, везде ты
И брала тебя тоска.

Всюду русское, родное!
Пусть печаль—она светла;
Чистой пушкинской строкою
Тихо в нас она жила.

Всюду русское, родное!
Но теперь осквернено
Ненавистною ордою,
Опоганено оно,

И острей ты замечаешь,
Как красив твой край родной.
По-иному понимаешь
Ветра вой и шум лесной.

„Вражьей силе никогда я,
Ни за что не покорюсь!“
Так пел лес. И так родная
Пела взвихренная Русь.

* * *

Темный бор и снег хрустящий.
Партизаны там и тут.
Днем костер разводят в чаще,
Соловьиным сном вздремнут.

Ночью — жаркая работа.
Лес родимый! Приюти,
Скрой получше от врагов ты
Наши тропочки-пути.

Лес скрывает, помогает,
Не уйти врагу от бед.
Но коварна волчья стая,
Может вдруг напасть на след.

Рыщет вражья сила, ищет,
Лес сжигая и валя.
Над деревней розга свищет
Да намылена петля...

Лес шумит протяжно, звонко,
Ветер с веток сыплет снег.
Смуглолицая девчонка
Прислонилась к сосне.

Языки костра немые,
А вокруг—молчат друзья.
Все усталые, худые,
Вся подвижников семья.

Вышел весь запас. Все съели.
Хлеба было на пять дней,—
Продержались две недели—
До последних сухарей.

Разделили все по-братски.
Все до крошки. И пора,
Говорят, к своим пробраться.
Решено еще вчера.

„Хорошо,—сказала тихо
Смуглолицая,—но я

(Пусть никто не вспомнит лихом)
Я б осталася, друзья.

Дайте мне еще задание.
Знаю, чувствую: в долгу...
И намеченное здание
Я в деревне подожгу...

Ну, а если жертвой кто-то
Должен быть из нас, так пусть...
За мою краснеть работу
Не придется вам, клянусь!"

Кобуру поправив, встала
И прошла перед костром.
Лес молчал, и все молчало,
Каждый думал о своем.

Загорался отблеск красный
На лице ее и гас.
До чего была прекрасна
Наша Таня в этот час!

8

Зима. Мороз и автоматы
Трещат в глуши то здесь, то там.
И, равнодушная когда-то,
Природа помогает нам.

И хочется быть благодарным
Ей за метель, за ветер злой.
Лишь по врагу б мороз ударил,
А мы—перенесем любой.

Мы стерпим холод, голод, боли
Во имя жизни и борьбы.
Еще по букварю мы в школе
Твердили все: „Мы не рабы!“

Мы жить хотим, а жизни нету:
Чужая власть, надзор чужой.
Захватчик, враг добра и света,
Как черный морок над душой.

Он грабит, жжет, казнит, пытается.
В деревне смех детей исчез.
А старики о тех мечтают,
Чей след скрывает темный лес...

Молчат развесистые сосны,
Молчат глубокие снега.
Как грозный заговор, несносно
Молчанье это для врага.

И враг жить хочет: на зимовку
Залег в берлогу, как медведь.

А тут—вставай, бери винтовку,
Да в лес, да в оба чтоб глядеть.

Ему бы—лазить по насестам,
Насиловать и пить, потом
Во все концы писать „невестам“:
„Москва капут, а мы живем!“

Но есть страшнее бомбы слово,
Есть невидимка-партизан.
Один попался—десять новых
Уж где-то образует стан.

Там взорваны автомобили,
А здесь конюшня сожжена,
Тут офицера вдруг убили...
Кто? Как?—Молчанье. Тишина.

Эсэсовцы, на всякий случай,
Казнят пока двоих-троих.
Но темный лес уже подслушал,
Он месть готовит за своих.

Все ближе, ближе час расплаты,
Сторицей враг заплатит нам...
Зима. Мороз и автоматы
Трещат в глуши то здесь, то там...

Смеркалось. В чаще над землянкой
Клубился пар. Из-под ветвей
Поднялся человек в ушанке,
Прислушался—и в путь скорей.

Его обдал холодный воздух,
Мороз крепчает и бодрит.
Вонзились в небо стрелы-звезды,
Луна висит, как медный щит.

Тропа ведет обрыва кромкой,
Кустарником и полем... Снег
Хрустит под валенками громко.
Насторожился человек.

С оглядкою, нагнувшись, боком,
Упрямо он идет вперед.
И кружевом белеет легким
На шапке инея налет.

А под полою полушубка
Проходит ветер по ногам.
Висит на человеке сумка,
В руке сжимает он наган.

Луна зашла. Перед глазами
Строения вырастают вдруг.
Деревня. Избы... Путник замер,
Он слышит сердца каждый стук.

С минуту постоял на месте,
Вперяя взор в ночную мглу.
Паленым пахнет. Запах шерсти,
И где-то подгорает лук.

— Опаливает поросенка
Иль жарит кур любитель фриц... —
Гнев искрою сверкнул в потемках
У путника из-под ресниц.

Пошел. Чернеют бревна. Те ли?..
Да, он приметил их... И вот
Он у забора, он у цели;
Наган за пазуху сует...

Бутылку достает быстрее.
Шуршит соломой. Льет бензин...
Нагнулся он,дохнуть не смея.
Одну лишь спичку... миг один...

Но сзади в этот миг подкрался
К нему немецкий часовой.

Рванулся человек, поднялся,
И выхватил револьвер свой.

Но выстрел не успел раздаться, —
Оружье выбито из рук.
Тревога. Кинулись солдаты.
Сомкнулся ненавистный круг.

9

Привели в комендатуру.
Кто же этот человек?
Офицеры смотрят хмуро
Из-под жирных, вялых век.

Перед ними вырастает
Высока, смугла, стройна
Наша девушка простая,
Молодая, как страна.

Таает иней на ресницах,
Загораются глаза.
„Маскарад иль все мне снится?“
Унтер стянутый сказал.

Засмеялись. Скупое. Сухо.
И, пока на стол кладет

Часовой револьвер, сумку,
Офицер кривит свой рот:

„Очень, очень рады встрече
С вами, русской Жанной д'Арк.
Ждем мы вас не первый вечер...
Вы сожгли наш конный парк?“

„Я!“ у девушки не дрогнул
Даже мускул на лице.
„Вашей искренностью тронут,—
Продолжает офицер.—

И давно в лесу живете?
И давно у партизан?
Кто коллеги по работе?
Сколько их и где их стан?“

„Не скажу!“ — отрезал твердо
Голос звонкий. Офицер
Позабыл и смех и гордость,
Стал он сумрачен и сер.

Приказал хозяйке: „В кухню!“
Запер дверь. И вот она
В окруженьи немцев пухлых
Очутилася одна,

Палачи ее раздели,
Положили на скамью.
И ремни над ней запели
Песню дикую свою.

Но ни слова не подслушал
Кто приткнулся в тот час к стене.
Лишь одно—все глуше, глуше:
„Не скажу. Не знаю. Нет...“

10

С непокрытой головой,
Наведя ружье,
Вдоль по улице ночной
Повели ее.

А мороз сердитый, злой,
Вьюги вой кругом.
Постучался часовой,
Ввел в какой-то дом.

Подкосились ноги. Но
Поднялась. Глядят.
„Партизанка? Ждем давно!“
Говорит солдат.

Зажигает спичку: В щель
Сузились глаза.

Тычет. „Жжется? Неужель?
Что же нам сказать?

Мы пожар припомним твой!
Ты нас жгла вдвойне.“
И проводит он пилой
По ее спине.

Закусила губы в кровь:
Только б не стонать.
Рухнула. Очнулась вновь.
Просит пить подать.

С печки слез, кряхтя, старик,
Русский человек;
Шел к кадушке,—сиплый крик
Путь ему пресек:

„Тоже палок захотел?!—
Встал тут часовой,—
Уберись, покуда цел!“
Отпихнул ногой.

„Так и быть уж, не морись,
Пей, не жалко, пей...“
И поднес какой-то фриц
Керосину ей.

Но глаза ее зажег
Сразу гнев такой,
Что забыть его б не мог
Человек с душой.

Нет: бездушен автомат.
Если б стон и плач,
И рыданье — был бы рад,
Кажется, палач.

Ни отчаянья, ни слез.
Фриц винтовку взял,
Босиком ей на мороз
Выйти приказал.

Он водил ее, пока
Сам весь не продрог,
И „помог“ концом штыка
Перейти порог.

Наконец сменен злодей.
Два часа. Все спят.
И прилечь на лавку ей
Разрешил солдат.

Но хозяйка — та не спит,
Нет у старой сна.

— Чья ты будешь?—говорит
Девушке она.

„Я москвичка. А зовут
Танею меня“.

— А родители... живут?
Где твоя семья?—

Повела краями век,
Крылья сжав бровей,
И ни слова та в ответ
Не сказала ей.

11

Ты ли это, Таня?
Кто, как мать, любя,
В очи лишь заглянет--
И поймет тебя?

И кому поверить
В этот страшный час?
Даже стены, двери
Слушают здесь нас.

Все мученья молча
Ты терпеть должна.
Давит, давит ночи
Злая тишина...

Кто мне перескажет,
Что в ту ночь без сна
Думала под стражей,
Таня, ты одна?

Кто откроет, что ты
Видела в ту ночь,
Боль свою дремотой
Сиясь превозмочь?

Видела ты, знаю,
Как из века в век
Креп, душой мужая,
Русский человек.

Вот Иван Сусанин
К изголовью встал.
„Ты ли это, Таня?“ —
Он тебя назвал.

Вот и старостиха
Василиса здесь:
„Ты ль, родная!..“ — тихо
Напевает песнь.

Ты ли, Таня, Зоя?
Сколько их — подруг

И друзей, грозою
Поднятых, вокруг?

Сколько смелых следом
За тобой идут!
Только не об этом
Думаешь ты тут...

12

Сквозь заклеенные стекла
Брезжит синий свет.
„Ой, касатка! Чай, продрогла...
Да и сна, чай, нет...“

И старушка слезла с печи,
Шепчет: „Не спала?..
Знать, и позапрошлый вечер
Это ты была?“

— Я... Сгорели немцы? — „Нету.
Только кони их.
Да машинам, слышно, где-то
Был урон велик.“

Где-то склад с оружием тоже
Вспыхнул, говорят...“
Таня слушала и строже
Становился взгляд;

„О, такой раздуть пожар бы
В вражьей стороне,
Чтобы все они, как жабы,
Лопнули в огне!

Чтобы выкурить их дымом,
Как из нор кротов;
Каждый холм непроходимым
Сделать, каждый ров...

Как нелепо я попала!
Как мне жаль, что я
В жизни сделала так мало,
Родина моя!

Чуда нет, не будет, знаю.
Знала наперед.
Помоги, страна родная,
Ты, родной, народ!

Помоги пройти достойно
Мне последний путь.
Победив врагов и войны,
Вспомни... Не забудь...”

13

„Прощай, прощай! И помни обо мне...”
Кто Гамлетом, кто Тенью здесь встает?

Не тень. Они живут, живут в огне —
И Родина, и Таня — дочь ее.

Единой пуповиной дочь и мать
Навеки скреплены и поправ страх.
Союза этого не разорвать
Ни дыбою, ни пламенем костра.

14

Вошел офицер. Вновь допрос:
„Скажите мне, кто вы? Прошу
Без позы, без маски. Всерьез.
За искренность все вам прошу“.

Коверкая русскую речь,
Он девушке смотрит в глаза:
„Да, можете жизнь вы сберечь,
Лишь стоит вам правду сказать.“

Кто с вами и сколько и где? —
Вот все, что я требую с вас“.
И будто бы так, между дел:
„Скажите, где Сталин сейчас?“

Тут девушка вспыхнула вся,
Впервые не в силах молчать,
И сдвинула брови, гася
Невольную искру в очах.

Взглянула на немца в упор
Под сердца немолкнувший стук,
Но голос спокоен и тверд:
„Наш Сталин всегда на посту“.

Вскочил офицер, оглушен
Пощечиной слов, зашагал;
Вдруг крикнул хозяевам: „Вон!“ —
Рукою на дверь указал.

И снова пытаются ее,
И снова ременная плеть
Свистит, извиваясь змеей,
Не в силах сломить, одолеть...

Ну что за душа! Из чего
Терпенье и воля росли?
Устал истязатель. И вот
Одежду ее принесли.

Чулки, шаровары, жакет,
Походный мешок вещевой.
Но куртки и валенок нет,
Нет шапки ее меховой.

С той шапки дежурный сорвал
Звезду в комендантской, и вдруг

Он след от звезды увидал
Со ржавчиной легкой вокруг.

Подумалось: так никогда
Еще не алела звезда...
И вздрогнул фашистский солдат
От ужаса, не от стыда.

Украдкой он мех выправлял
И гладил шершавой рукой.
Но след был упрям: выдавал
Грабителя он с головой.

Косясь на других, вор-герой,
Напялил ушанку, как мог:
В углу мерил куртку второй,
А третий — разрезал сапог...

И вот принесли жалкий скарб
Залапанных, смятых вещей.
Хозяев ввели, обыскав.
Одеться приказано ей.

Старушка, вздохнув, помогла
Натягивать Зое чулки.
И долго отнять не могла
Заботливо-нежной руки.

Нет-нет да и, слезы смахнув,
Погладит родная рука.
А немец глядит, не моргнув,
Торжественен, как истукан.

Но окрик — и он, выгнув стан,
Повесил ей доску на грудь.
И надпись на ней: „Партизан“.
О, Зоя! Куда же твой путь?

15

Мороз суровый. Спозаранок
Стучится староста в окно:
„Все, все на площадь! Партизана
Казнить сегодня решено“.

А виселица в ночь готова,
Селяне, головы склонив,
Подходят — и ни с кем ни слова,
В глазах их мрачные огни.

Иные, постояв, тихонько
Домой сумели повернуть:
Не видеть, не глядеть бы только,
Нельзя ни охнуть, ни вздохнуть.

Фашистов много: офицеры,
Солдаты — чтобы каждый вник.

Исполнен важности и веры
Жрецов Вотана фриц-мясник.

И конных — больше эскадрона:
Гарцуют — сабли заголо,
Довольные, что так „покорно“
Полусожженное село.

Для них как будто праздник светлый,
Но праздник ли? В глазах — испуг.
Известно им: огонь из пепла,
Бывает, вспыхивает вдруг.

„Ведут...“ Как вздох, пронесся глухо
Невольный ропот над толпой.
Соседке говорит старуха:
„Молоденькая... Боже мой!“

На солнце декабря смотрела,
Как в первый раз, и — вся светла —
В одних чулках, ступая смело,
В бессмертье комсомолка шла.

О, жизнь! Прощального значенья
Миг каждый полон для нее.
Пошли ей, Родина, терпенья
Во имя вечное твое.

„Татьяна, русская душою,
Сама не зная почему,
С ее холодною красою
Любила русскую зиму.“

А Зоя-Таня знала, знала,
За что любить и синий снег,
И солнце зимнее, что встало
Навстречу ей—живой весне.

Толпа заколыхалась. Вводят.
И, взор свой устремив вперед,
Прекрасная навек, проходит
Отчизны дочь на эшафот:

Не сон, не в книге, настоящий, —
Петля пеньковая крепка.
Ее поставили на ящик,
Вкруг шеи обвилась пенька.

Палач готов. Ждет только знака.
Но комендант застыл: пред ним
Фотограф вертится с „кодаком“.
И Таня крикнула своим...

Рука в перчатке замахнулась,—
Фашист хотел ей рот зажать.

Но Таня руку оттолкнула
И голос громко стал звучать:

„...Я смерти не боюсь. Не страшно
За свой народ мне умирать...“
Палач глядит подобострастно
На коменданта: „Сколько ждать?“

Махнул фотографу рукою
И крикнул комендант: „Кончай!“—
Тут резко повернулась Зоя,
Сверкнув глазами, к палачам:

„Сейчас повешена я буду,
Но помните: я не одна.
Мои друзья везде и всюду,
Со мною вся моя страна.

Нас двести миллионов, знайте,
И всех не перевешать вам.
Солдаты! Образумьтесь, сдайтесь,
Скорей переходите к нам.

Победа все равно за нами,
За жизнь мою вам отомстят.
Спешите же под наше знамя,
Кто солнцу, воле, жизни рад!“

А люди русские стояли
И молча плакали, боясь,
Чтоб их сочувствие, печаль их
Не увидала вражья власть.

Палач поддернул, свирепея.
Но Зоя вдруг приподнялась,
Ослабила петлю на шее
И крикнула в последний раз:

„Смелей, товарищи! Боритесь!
Наш Сталин с нами! Он придет!..“
И кованый сапог арийца
Неистово о ящик бьет.

Перевернулся ящик. Хрустнул
Снег плотный. Охнула толпа.
Раздался вопль и, эхом грустно
Три раза повторен, пропал...

16

Вот прошел и день, вот и ночь прошла—
Тело девушки все качается.
Порошит снежок—и пышна, бела
Шубка новая на страдалице.

Следом ветер мчит неприкаянный,
Раздевает он вновь несчастную.

Так висит она, вся измаяна,
В ясный день висит, в ночь ненастную.

Время занято сменой дней, ночей,
И неделя вот им отсчитана.
Только девушке на земле своей
Не лежать еще,—все висит она.

Осыпает снег, леденит мороз,
Ветер рвет ее и качает злой.
Только чудится—хор печальных звезд
Ропщет на небе в тишине ночной.

Ропщет звездный хор, и поет звезда:
„Ветер, будь ей друг,—оторви ее,
Спеленай в снега и умчи туда,
Где не властны смерть и небытие;

Где заботою обо всем и всех
Бьется нежное сердце родины;
Где никто, никто не забыт из тех,
С кем пути побед были пройдены...”

Но проходят дни, мчатся ночи вслед,
Месяц весь убит грустью черною.
Что же хочет враг и какой ответ
Ждет от девушки непокорной он?

По селу ль идет часть немецкая—
Недостойные званья воина,
С диким гоготом фрицы мерзкие
Тычут палками в тело Зоино.

А идут свои—люди русские—
Низко головы опускаются.
Сердцу горестно, очи тусклые
Думой тайною загораются.

И проходит всяк, словно камень, нем:
Старый люд пройдет—стынет в жилах кровь,
Пройдет юноша—вспыхнет пламенем,
Пройдет девушка—круто сломит бровь.

И живут мечтой все единою
Да заветною—отомстить бы как.
Веря в близкое диво дивное,
Веря в светлый час, гнев молчит пока.

День за днем идет, ночь за ночью вслед,
Декабрю конец, завтра новый год.
И сегодня вот, под сивушный бред,
Пьяных немцев сброд по селу бредет...

Закружились все стаей воронов,
Поглумилися над повешенной;

Платье девушки было сорвано,
И затоптано в злости бешеной.

Так еще она провисела день
Вся изрезана, вся исколота.
Мир, смотри сюда!— Траур, мир, надень,
С болью в ней узнав свою молодость.

Только вечером комендант отдал
Приказание снять невольницу.
На санях ее повезли тогда
Непокрытую за околицу.

Там береза есть одинокая,
И не думала, не ждала она,
Что такое вот горе горькое
Ляжет около, неоплакано.

Яма мелкая тайно вырыта.
Похоронена под лопаты звон.
Лишь одно в уме, знать, у иродов:
„Только б сгинул след“. Да не сгинул он...

17

Насыпь свежая замерзла
И покрылась снегом.
Караул несет береза —
Белая, вся в белом,

Замела могилу вьюга,
Кто в ней? — неизвестно.
Но береза, как подруга
Верная, ни с места.

Знает грустная: не вечно
Будет снег да стужа.
Ей не раз еще беспечный
Птичий гомон слушать.

И сама она призывней
Зашумит листвою,
Чтоб поведать всем, что ныне
Видела с тоскою...

Так береза размечталась,
Меж ветвями где-то
Чуя дружескую шалость
Непоседы ветра.

Только ближе шум и громче,
Ветра ли то шелест?
Нет, то пушек гром грохочет,
Стаи пуль распелись.

Саранчой серо-зеленой —
Полям, по оврагу,

По лесной трущобе темной —
Дали немцы тягу.

Есть дорога, нет дороги —
По задам, сугробам —
Потянулись сани, дроги
И машины скопом.

Вязнут кони, вязнут люди,
Глохнут вдруг моторы...
Ждет деревня: что-то будет,
Что-то будет скоро!

И пришла, пришла та сила —
Армия родная
Краснозвездная настигла
Ворогов, карая.

Точно гром небесный грянул
В зимнем Подмоскovie.
Враг не выдержал, отпрянул,
Истекая кровью.

Путь в Москву ему заказан!
Бой был беспощаден.
Дальше, дальше отзвук баса
Гаубиц-громадин...

Тишина. В деревне чисто.
Только снег окрашен
Кровью черною фашистов,
Но мертвец не страшен.

И приходят к разоренным
Очагам селяне.
Смотрят, стынут молча, словно
Знали все заранее.

По дорогам и по тропкам
Тянутся салазки.
Ребятишки жмутся робко
И глядят с опаской.

И выходят партизаны,
Были вспоминают:
Кто и где, и чем был занят...
Тут и выплывает...

Рассказали про Танюшу
Горестную повесть.
И запало имя в душу—
Чистое, как совесть.

Вышли люди за деревню,
Подошли к могиле

И земным поклоном древним
Девушку почтили:

„Пусть тебе земля родная
Будет пухом нежным.
Месть народная, святая
Грянет неизбежно!..“

И густой покрыли хвоей
Холм едва приметный.
А народ о Тане-Зое
Создавал легенды.

Вырос холм горой высокой,
Что ни день — то выше;
Стал он виден издалика
Всем, кто правдой дышит.

Птицей-соколом взлетела
На вершину слава;
Алым знаменем горела
Гордо, величаво.

Клятвой мести стало Тани
Имя нам простое,
И вовеки не увянет
Имя жизни — Зоя.

Проходя на запад дальше
Этою деревней,
Может, станут части наши
Здесь порой вечерней.

Подойдут к березе мирной
Воины, как надо.
Снимут шапки командиры,
Снимет вся команда.

И спасибо скажут верной
Дочери советской—
И солдат в шинели первой,
И сержант гвардейский.

И спасибо скажет ротный
С переподготовки,
И седой комдив—добротной
Перекопскойковки.

И спасибо скажет тот ей,
Кем наш век прославлен,
Кто с отеческой заботой
Всех нас помнит: Сталин.

1942. Апрель.